

СОЗВЕЗДИЕ ТВОРЦОВ ЛЕНИНИАНЫ

«ГЕНИАЛЬНОСТЬ и величие дел В. И. Ленина настолько исключительны, что ни писатель, ни актер, приступая к работе над этим образом, не найдут никаких, хотя бы самых отдаленных, хотя бы очень условных аналогий в мировой драме. Это так понятно, что не требует сколько-нибудь распространенных объяснений. Стоит только припомнить даже самый яркий образ из великолепной галереи мирового театра и сопоставить его с тем, что должно быть выражено в образе вождя пролетарской революции, как само собой окажется, что параллель эта совершенно неуместна и, следовательно, никчемна», — писал Николай Погодин.

Известно великое значение художнического подвига писателя, режиссера-постановщика Рубена Симонова и актера Бориса Шуккина, создавших образ Владимира Ильича Ленина в спектакле «Человек с ружьем» к 20-летию Советской власти.

В 1929 году в Театре имени Евг. Вахтангова ставилась первая пьеса Н. Ф. Погодина «Темп». Вспоминая об этом времени много лет спустя, драматург писал: «Человеком, олицетворяющим в полной мере лучшие черты художника советской эпохи, был Б. В. Шуккин. Я не стал бы этого утверждать, если бы не знал лично Бориса Васильевича. Мой первый дебют в театре был отмечен его участием, которое позволило мне узнать его близко».

Б. В. Шуккин играл в «Темпе» роль Ермолая Лаптева, и Погодин очень гордился этим. Знаменитый Шуккин, создавший такие великолепные образы, как Павел Суслов в «Вирине» Л. Сейфуллиной и товарищ Антон в «Барсуках» Л. Леонова, вдруг взялся за эпизодическую роль в его пьесе, роль, которую сам Погодин считал однообразной и слабой: «Темный человек, и все...».

Борис Шуккин сумел почувствовать любовное отношение автора к своему герою и наполнил образ Ермолая Лаптева такой поэзией, что он сделался одним из интереснейших образов в спектакле.

Б. В. Шуккин увидел в Ермолае Лаптеве нового человека, рожденного эпохой социалистического строительства, и с подлинным артистизмом показал в нем такие глубины прекрасного, что восхищенный драматург только и мог сказать: «Я лучше знал своих героев, чем сумел написать их, но откуда он знает их, этот Шуккин?».

Из рассказов Н. Ф. Погодина видно, какой большой школой была для него совместная работа с Б. В. Шуккиным. Он вспоминал, как этот задумчивый человек чеховской чистоты и скромности с мягкой улыбкой категорически отверг погодинское предложение «играть Ермолая Лаптева босым, чтобы было, как в жизни». Он ответил Погодину, «что не любит видеть босых актеров на сцене, что это ему, Шуккину, органически неприятно... И я на всю жизнь, — резюмировал драматург, — отвратился от сценического натурализма».

На всю жизнь! Говоря о преемственности образов в своей драматургии, Н. Ф. Погодин подчеркивал, что благодаря шуккинскому раскрытию в Ермолае Лаптеве единства социального и индивидуального он стал для него через восемь лет Иваном Шадриным. С полным основанием поэтому можно сказать, что актер Б. В. Шуккин своим знанием и пониманием народных характеров помог драматургу Н. Ф. Погодину в создании одного из замечательных образов советской драматургии — Ивана Шадрина.

Так самобытнейший наш драматический писатель проходил театральные университеты в Театре имени Евг. Вахтангова.

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ после «Темпа» состоялась вторая творческая встреча актера и драматурга.

За эти годы Б. В. Шуккин создал немало значительных ролей, но самой яркой и значительной была роль Егора Булычова.

Известно, что А. М. Горький, присутствовавший на репетициях «Булычова», как-то сказал, что Шуккин — актер, который может создать образ Ленина.

Мысль Горького глубоко запала в душу актера, и он начинает исподволь «наживать», как говорят в театре, отдельные штрихи к ленинскому сценическому портрету. Создавая, например, образ Михайлова — профессионального революционера-большевика (фильм «Поколение победителей»), Б. В. Шуккин изучает биографию В. И. Ленина и дважды беседует об Ильиче с Н. К. Крупской.

К созданию образа Ленина в драматургии Н. Ф. Погодин шел тем же путем, что Р. Н. Симонов в режиссуре и Б. В. Шуккин в актерском искусстве. Через характеры положительных героев-коммунистов, в которых были ленинские черты, они шли к своему идеальному герою — Ленину.

ЦК КПСС обратился к деятелям литературы и искусства с призывом создать произведения, посвященные XX годовщине Октября, Коммунистической партии, Ленину.

Н. Ф. Погодин загорелся этой идеей. Изучение материалов о партии в Октябре 1917 года, беседы с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой о Владимире Ильиче, изучение ленинских документов помогли писателю найти драматургическое зерно великого образа.

У писателя и актера была могучая, мудрая поддержка Р. Н. Симонова, вдохновленного великой идеей, глубоко эрудированного в необходимой для такого большого труда области.

В архиве Б. В. Шуккина при музее Вахтанговского театра находятся записи актера с заметками, касающимися образа Ленина. За строчками ленинских сочинений Шуккин умел чувствовать черты характера вождя. Р. Н. Симонов вспоминал: «С исключительным подъемом трудился вахтанговцы над спектаклем... Шуккин отдал этой работе все свое сердце». Такой труженик, как Н. Погодин, и тот восхищался Б. Шуккиным, который сочетал в себе «громадное дарование с громадной трудоспособностью». Драматург свидетельствовал: «Надо знать, как работал последнее время этот человек. Работа в кино на съемках картины «Ленин в Октябре» у него брала большую половину суток, а дни отдыха он отдавал репетициям в театре. Надо представить себе состояние человека в этой работе, сознание ответственности, трепет перед величием образа... Я свидетель этой потрясающей работы, никогда не забуду тех закрытых репетиций, когда был на сцене Б. В. Шуккин. У меня осталось прекрасное чувство чистоты и глубокой серьезности от этих репетиций. Привычная нам театральная жизнь смешалась,

Алексей ВОЛГАРЬ,
литературный секретарь
Н. Ф. Погодина

возникали новые, трепетные ощущения...».

Р. Н. СИМОНОВ и **Б. В. ШУККИН** наполняли работу над образом Ленина праздничной торжественностью. Это возвышенное состояние исполнителя роли Ленина особенно глубоко раскрывалось на одной из репетиций.

Все двери были закрыты, вспоминал Н. Ф. Погодин. «В зале оставались постановщик Р. Н. Симонов, Б. В. Шуккин, И. М. Толчанов, исполнявший роль солдата Шадрина, да я, как автор, который мог бы потребоваться на ответственных репетициях, — бываю случаи, что текст в иных местах начинает звучать со сцены совсем иначе, и тогда надо срочно, тут же на репетиции вносить исправления».

Драматург считал, что сказать, буд-то в те моменты эти три человека — Шуккин, Симонов и Толчанов — просто работали, было бы неверно.

«Да, они спокойно, глазами знающих людей снова рассматривали декорацию или, как говорят в театре, установку, длинного, уходящего в глубину огромной вахтанговской сцены коридора Смольного института; да, они перебрасывались короткими и деловыми репликами:

— Как, Борис, не слишком ли глубоко?

Шуккин, всегда отвечавший не сразу, медленно отозвался: — Вот думаю...

Пауза.

И нетрудно было понять, что каждый думал о том, каким сделать этот необыкновенный актерский выход, чтобы он воздействовал, потрясал воображение».

Ленин... Если чудесные силы искусства делают нас живыми участниками минувших времен, то как достигнуть этой чудесной силы в решительную минуту первого появления Ленина? Вот о чем думали артисты, режиссер и автор в тот день в зале Вахтанговского театра.

«Мне послышалось, — писал Н. Погодин, — будто где-то впереди нас, в партере, кто-то вздохнул, но я знал, что сюда никого не впускали, и подумал, что мне это почудилось в непривычной тишине театрального зала».

— Пойдем, попробуем, Борис?

— Да, пора... Вдруг, торопливо обернувшись и склонив ухо ко мне, Шуккин почти шепотом спрашивает:

— Ну, автор, как прикажешь входить? А?

Что я скажу, что я могу сказать, если отлично знаю, что мое авторство — лишь первый робкий эскиз, ученическая работа? Только он, Шуккин, мог наполнить жизнью эти малюкские сцены, где в пьесе появляется Ленин».

Тут, при описании таких минут театрального священнодействия, не обойтись без строк Н. Погодина, запечатлевших неповторимое

«Не дожидаясь от меня ответа, Шуккин идет от режиссерского столика к сцене вслед за фигурой солдата в шапке времен первой мировой вой-

ны, с винтовкой на ремне. Это артист Толчанов в роли солдата Ивана Шадрина».

— Начали! — громко и вятно с места говорит режиссер.

Мне кажется, что ему давно не терпится взяться за репетицию, ибо Симонов как актер стремителен и нетерпелив.

— Все будет отлично, вот увидите, — говорит он мне, точно знает, что меня тем сильнее охватывает волнение, чем ближе минута выхода Шуккина. — Борис, он хитрый... Он давно поработал дома».

И репетиция пошла. Пошел Шадрин искать чайку по Смольному. Актер играет с воображаемыми партнерами, которых пока нет. Но, видимо, и он волнуется, так как его пантомимические жесты к невидимым людям и слова, обращенные к ним, подучаются столь реальными, что волей-неволей на какие-то секунды забываешь репетицию.

— Хорошо! — кричит ему на сцену Симонов. — Хорошо!

Но Шуккин просит повторить этот проход сначала. Ему надо еще раз увидеть, как бродит затерявшийся в Смольном солдат. Это громадная внутренняя работа художника... Борис Васильевич ни словом не намекает, зачем ему это нужно, и, как всегда, мягко и тихо обращается к товарищу:

— Сделай одолжение, найграй еще раз».

Снова выходит солдат с чайником в руке и с ружьем за плечом, которое он никому не доверит. Вот он доходит до той установленной заранее точки, когда из глубины коридора должен появиться Ленин...

Шуккин вступил с такой неожиданной стремительностью, с такой энергией, перерожденный, неузнаваемый, что я на себе почувствовал, какой сильный прилив удивления и радости в одно мгновение сообщит он зрительному залу. Быстро и четко, собранный и целеустремленный, по сцене шел не только что сидевший с нами человек, а кто-то другой — удивительно обаятельный и великий своим одухотворением.

Никогда не забуду этой первой мязачсены!

Партнер несколько отшатнулся, когда с ним поравнялся Шуккин. Потом тут же, не пропуская его далеко, тихо, с глубочайшей наивностью произнес:

— Уважаемый, где бы тут чайку мне?..

...Главное было найдено. Эта картина, пугавшая нас своей сложностью, получила верное художественное воплощение... Сами актеры оставили репетицию, чувствуя, что дальше пойдут импровизации, которые снизят смысл и значение найденного. Никто не говорил пока ни слова, о том, что увидел.

Симонов отправился на сцену планировать там всю встречу солдата Шадрина с Лениным. Предстояла точная математическая работа над сценическим рисунком. И когда режиссер шел между первым рядом и барьером оркестра, то вдруг остановился в недоумении: в третьем ряду сидела женщина и, закрыв лицо руками, рыдала. Это была наша старая добросовестная сотрудница-костюмерша, которая пришла на репети-

цию за тем, чтобы проверить и выгладить костюм на Шуккине. Она незаметно осталась до его выхода на сцену и теперь, потрясенная увиденным, обливалась слезами.

Я не боюсь назвать эту закрытую репетицию священными минутами».

И все же, несмотря на ошутимые успехи репетиций, режиссер, актер и драматург волновались. Переживая сам, Погодин всегда думал о том, «что должен был переживать в те дни Борис Васильевич, взявшийся впервые играть Ленина! А вдруг...».

И ВОТ состоялась премьера спектакля «Человек с ружьем».

Играя роль Ленина, актер горел вдохновением, он любил своего героя, любовался им, и это восхищение передавалось зрительному залу.

Успех спектакля «Человек с ружьем», как известно, был редкостным в истории советского театра.

Но сам Б. В. Шуккин, большой и требовательный художник, считал, что создал не больше чем черновой эскиз к тому образу Ленина, каким он его представлял себе. Такую же оценку пьесе «Человек с ружьем» давал и Н. Ф. Погодин, называя ее только «ученической работой», и говорил, что он «готов сделать следующий шаг» в разработке образа Ленина.

Драматург начинает писать «Кремлевские куранты».

Б. В. Шуккин очень интересовался этой новой работой и сделался частым гостем в доме Погодиных. Он предварительно звонил по телефону и просил разрешения, «если куда не пойдут, если ничем не заняты, надеяться вестрчком».

Его всегда ждали с нетерпением.

В назначенное время раздавался короткий вежливый звонок, и за дверью слышалось шарканье старательно вытираемых ног. Он входил не спеша. Его встречали, как дорогого и чтимого гостя. Хозяин брал Шуккина под руку, уводил к себе в кабинет и начинал демонстрацию вновь приобретенных граммофонных пластинок. Известно, как Н. Ф. Погодин любил музыку. Борис Васильевич обычно садился к письменному столу и, подперев кистью правой руки подбородок, полузакрыв глаза, затакал. Или же брал лист бумаги и, слушая музыку, с четкостью графика, в необычных ракурсах делал наброски для своих ролей.

После музыкального антракта соби-рался в столовой. Пили чай, «ли «фирменные» погодинские пирожки с капустой, которые очень нравились Шуккину, и начиналось литературное отделение. Николай Федорович импровизировал по сюжету, советовался и спорил, а затем читал новые сцены из «Курантов».

В тот вечер, который мне особенно запомнился, драматург читал эпизод с нищей.

Потом импровизировал Шуккин. Он вдруг преобразился, сделался похожим на Ильича и его голдсом спросил: «Вы умеете мечтать?.. товарищ Рыбаков?..» После небольшой паузы с огромной убежденностью сказал: «Надо мечтать... Надо». В конце монолога в его прищуренных глазах зажегся особый огонек, и проникновенным голосом, в котором слышалось уважение, гордость, любовь, он произнес: «С нашим народом можно мечтать, можно дерзаты!».

Художественный образ В. И. Ленина, созданный гениальными драматургом, режиссером и актером, был их творческим и гражданским подвигом, но взыскательные художники видели себя только на подступах к великому образу и готовились к новым взлетам.